

ПРАВДА
г. Москва

13 * ЯНВ 1987

ВСТРЕЧИ ПЕРЕД ПРЕМЬЕРОЙ

На орбитах Пушкина

На «Ленфильме» завершены съемки картины «Последняя дорога» — о предсмертных днях А. С. Пушкина. Поэт возникает в кадре лишь узнаваемым силуэтом — таков прием, избранный создателями ленты. Зрители ви-

дят ближайшее окружение Пушкина в роковые дни 1837 года. Жену поэта Наталию Николаевну Гончарову играет Елена Караджова. Роль невелика, но сам облик Натали по традиции вызывает интерес.

Озябшая, она вошла с мороза, и, едва подняла глаза, я почувствовал то, что, должно быть, испытал и режиссер, когда впервые увидел ее. Как будто сквозь пелену времени вдруг проступили неясные и все-таки вполне уловимые черты знакомого лица. Знакомого хотя бы по известной акварели Александра Брюллова — той, что и ныне висит в пушкинской квартире на Мойке.

Натали... Ее облик угадывался в молодой москвичке, несмотря на то, что век нынешний старался расстроить это зыбкое сходство, чем мог: джинсами, заправленными в сапожки; целлофановым пакетом из универмага, который был в руках. Но ведь узнавание — как наваждение. И мысленно уже становишься чуть ли не гримером, чтобы совместить эти два лица, разделенные столькими зимними выюгами.

Впервые Пушкин увидел Наталию Гончарову на балу у танцмейстера Йогеля на Тверском бульваре — в доме, на месте которого сейчас новое здание МХАТ. Странное совпадение, но именно из квартала по соседству для режиссера Леонида Менакера начались поиски и современной Натали. Ленфильмовцы «просматривали» труппу Театра имени Вл. Маяковского. И вдруг одна актриса посоветовала: у меня есть подруга с высшим актерским образованием, но не занятая в театре: познакомьтесь — в ней что-то близкое к внешности Гончаровой.

Лена Караджова ничего не

подозревала, когда раздался телефонный звонок. Помощница режиссера просила приехать в гостиницу. Подробностей никаких. Села в метро, вовсе не предполагая, о чем именно предстоит речь. Даже когда поезд уносил ее в Ленинград на пробы, не верилось, что ей поручат эту роль. Не верилось и потом, когда в студийном павильоне то и дело рядом возникал такой знакомый, обжигающий пушкинский профиль. Есть роли, которые одновременно и притягивают, и отпугивают. Героиня из ближайшего окружения поэтического гения... Тут охватывал трепет. Особенно если у тебя за плечами всего одна картина.

— Признаюсь, я разорвала все фотопробы, сделанные на студии, — из суеверия. И старалась не смотреть отснятый материал. Должно было пройти время, чтобы в сцене разезда с бала я попросту привыкла к локтю Пушкина: так нелегко давалось мне приближение к Натали...

Неожиданно из целлофанового пакета актриса достает толстую, довольно ветхую книгу — однотомник издания 1935 года:

— Собираюсь отреставрировать. Тут едва ли не весь Пушкин, кроме незаконченных произведений и писем. Книга была в блокадном Ленинграде у моей бабушки, пережила эвакуацию по Ладоге, ею зачитывалась мама, потом в школе по ней училась я, теперь вот хочу, чтобы этот том перешел в руки моей дочери Насте, хотя она еще крошка. Есть ка-

кая-то святость в этой семейной реликвии. И когда говорят, что Пушкин — поэт на все века, соглашаюсь и разумом, и сердцем...

Школьные годы Караджовой прошли в Торжке. Надо же — весьма пушкинский городок! Холмы по берегам реки Твер-

цы нередко оглашали колокольчики пушкинской кибитки.

— Девчонками мы постоянно наталкивались здесь на заповедные таблички: оказывалось, то тут, то там гостил, останавливался Пушкин, — подхватывает Лена. — Представьте: заходит речь о местных златовехах — и непременно вспоминают веселые строки Пушкина о поясах, которыми можно заткнуть за пояс «всю прелесть московскую». Идешь по Пустынской кладбищу — и встречаешь

родовую могилу Онегиных. В предместье Торжка — деревенька Прутня: сколько раз мы бывали на здешнем едва приметном погосте, где похоронена Анна Керн, «виновница» «чудного мгновенья». Так мы «проходили» Пушкина в школе — с ощущением причастности к его личной судьбе.

Она наклоняется, осторожно укладывая принесенный однотомник, волосы спадают на лицо — и на мгновение исчезает ощущение встречи с пушкинской избранницей. Твоя современница, да и только. Кажется, видишь ее то ли в библиотеке, то ли в букинистической лавке. И я решаюсь задать Елене Караджовой вопрос из разряда деликатных:

— Тяжело ли актрисе нести на своих плечах многослойный груз молвы о Наталии Гончаровой?

Откровенно говоря, ожидал вполне понимаемого «нелегко». Но услышал нечто другое — немного нервное, сбивчивое, упрямое:

— Мне кажется, мы не имеем права судить. Убедена, если бы все те оскорбления, которые выпали на долю Наталии Николаевны, довелось услышать самому поэту, скольким бы не одоброваты! Но дело даже в другом — нужен ли нам вообще этот суд и эти дотошные подробности? Ведь есть Пушкин, есть немеркнущая поэзия — разве этого мало? Ну не знаю, может быть, для какой-нибудь специальной исторической дисциплины во всем этом открывается смысл. Но нам-то, миллионам, зачем перемывать косточки?.. Кажется, Цветаевой принадлежит мысль: был бы Пушкин, а Гончарова найдется. Конечно,

сказано жестковато, но ведь в том, о чем сказано, — все дело. Лично мне Натали интересна постольку, поскольку она оказалась на орбите Пушкина, в его космосе...

— Но ведь вам предстояло играть характер, а не собственную позицию...

— Когда начались съемки, у меня совершенно не шла работа. Я была в отчаянии. Потом поняла: не то играю. Натали при Пушкине — вот отсчет масштаба этого образа. Да, она была его ангелом, его роком. Да, она его вдохновение, его Болдинская осень. Но, с другой стороны, понимала ли Наталия Николаевна до конца, кто рядом с ней, какого дара и какого предназначения человек? Вряд ли. А если бы понимала, то перестала бы быть Гончаровой — была бы уже иной женщиной. И что же — судить ее за то? Бросать в нее камнями? По какому праву? И главное: что это прибавит в нашем постижении того, что оставил потомкам Пушкин?.. Я и раньше не раз так думала — подготовка к фильму и сами съемки лишь укрепили мои убеждения, хотя не исключаю: кому-то они покажутся спорными.

...Фильм «Последняя дорога» накануне премьеры. В год памяти Пушкина вдвойне волнуешься за судьбу этой картины. Волнуешься потому, что едва ли не каждый зритель в душе и воображении хранит своего Пушкина.

Е. ДВОРНИКОВ.

На снимке: киноактриса Елена Караджова.

Фото Г. Каревых.